
DOI 10.15826/qr.2016.2.169

УДК 94(100)"1914/19"+323.325(470)+930(470)

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВСЕРОССИЙСКАЯ ДИСКУССИЯ

Рец. на: Русское крестьянство и Первая мировая война :
междунар. круглый стол / публ. П. П. Марчени, С. Ю. Разина //
Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.

Сергей Любичанковский
Оренбургский государственный
педагогический университет,
Оренбург, Россия

THE RUSSIAN PEASANTRY AND WORLD WAR I AS A PROBLEM FOR RUSSIAN HISTORIOGRAPHY*

Rev. of: Russian Peasantry and World War I : An International Round Table /
publ. by P. P. Marchenya, S. Yu. Razin // *Novyi istoricheskii vestnik*.
2014. № 2 (40). P. 8–89.

Sergei Lyubichankovsky
Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

The article contains results of an analysis of the materials of the all-Russian round table (with international participation) devoted to the mutual influence of the Russian peasantry and World War I. This academic forum was held on April 11, 2014 on the basis of Historical and Archival Institute (Russian State University for the Humanities), and its shorthand report is published in the New Historical Bulletin, Issue 2, 2014. The author describes the viewpoints of modern historians of Russia, Ukraine and Belarus on the issue in question, pointing out the strengths and weaknesses of the discussion, and assessing its role in modern Russian historiography.

Keywords: World War I; peasantry; historiography.

* *Citation:* Lyubichankovsky, S. (2016). Russian Peasantry and World War I as a Problem for Russian Historiography. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 267–275. DOI 10.15826/qr.2016.2.169.

Цитирование: Lyubichankovsky S. Russian Peasantry and World War I as a Problem for Russian Historiography // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. P. 267–275. DOI 10.15826/qr.2016.2.169 / Любичанковский С. Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 2. С. 267–275. DOI 10.15826/qr.2016.2.169.

В статье содержатся результаты анализа материалов всероссийского (с международным участием) круглого стола, посвященного взаимному влиянию российского крестьянства и Первой мировой войны. Названный научный форум был проведен 11 апреля 2014 г. на базе Историко-архивного института РГГУ, а стенограмма опубликована в журнале «Новый исторический вестник» в № 2 за 2014 г. Представлены основные аргументы, характеризующие позицию современных историков России, Украины и Беларуси по данной проблематике, указано на сильные и слабые стороны проведенной дискуссии, дана оценка ее места в современной российской историографии.

Ключевые слова: Первая мировая война; крестьянство; историография.

Последние несколько лет в Российской Федерации проходят под знаком крупных исторических юбилеев, которые для государства стали хорошим поводом апробировать новую политику в сфере исторической памяти, а для научного сообщества – активизировать обсуждение наиболее значимых проблем отечественного прошлого. Среди этих проблем одной из ключевых является определение отдаленных истоков и ближайших причин того системного кризиса, который «накрыл» нашу страну в начале XX в. Актуальность этого вопроса обусловлена как ломкой прежних объяснительных моделей, господствовавших в СССР, и стремлением выработать новую концепцию революционного кризиса с учетом новейших достижений мировой историографии, так и просматривающимися аналогиями в современной жизни, в которой слово «кризис» перманентно присутствует.

Реакцией на этот общественный запрос в научной среде стал проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации», который за шесть лет своего существования зарекомендовал себя как регулярно действующая солидная академическая площадка для открытого обмена мнениями по многим животрепещущим вопросам исторической науки [Хорос]. Поскольку данный проект изначально методологически нацелен на научное изучение ситуаций системного кризиса, его интерес к проблеме влияния Первой мировой войны на слом всего старого режима представляется закономерным. Обращение к этой тематике выразилось в проведении 11 апреля 2014 г. в Российском обществе историков-архивистов дискуссии по теме «Русское крестьянство и Первая мировая война», краткая стенограмма была опубликована в сборнике [Русское крестьянство и Первая мировая война]. Сразу скажу, что понятие «русское крестьянство» в контексте проведенного обсуждения не имеет этнического контекста, поскольку под ним подразумеваются все крестьяне России, и, возможно, точнее было бы определить тему мероприятия как «Российское крестьянство и Первая мировая война». Настоящая статья посвящена оценке его основных результатов.

Заявленный как международный круглый стол, по факту он являлся всероссийским с международным участием (говоря конкретно, с участием профессора А. В. Михайлюка из Украины и видного представителя как белорусской, так и российской науки профессора О. Г. Буховца). Думается, именно так он и должен был быть назван при издании полных материалов форума.

Однако это несколько не умаляет значения той дискуссии, которая была проведена. Она стала действительно всероссийской. Во многом это было обеспечено составом участников – более 30 известных ученых, докторов и кандидатов исторических наук, специализирующихся главным образом на аграрной истории и представляющих ведущие научные центры Архангельска, Брянска, Вологды, Иркутска, Казани, Кирова, Мичуринска, Москвы, Пензы, Саратова, Тамбова, Ульяновска. Нашей науке давно не хватало сопоставления взглядов из разных регионов на вынесенную для обсуждения проблематику, а ведь только так можно приблизиться к адекватному пониманию сложнейших процессов, проходивших в нашей стране столетие назад.

Отсутствие среди коллег русистов из дальнего зарубежья, на мой взгляд, оказалось на данном этапе, как это ни парадоксально звучит, даже полезным. Ведь тот разброс мнений и подходов, который в итоге проявился на данном мероприятии, требуется увязать между собой, продумать контраргументы на прозвучавшую критику, обобщить их во что-то методологически цельное и уже с этим продуктом (продуктами?) выходить на международную апробацию. Проведенный круглый стол стал, таким образом, стал тем необходимым шагом, без которого дальнейшее развитие исторической мысли по данному направлению представляется затруднительным.

Несколько слов о формате проведенного мероприятия. Судя по прочитанным мною материалам, это был действительно круглый стол, то есть свободный обмен мнениями по заранее заданным вопросам с упором не столько на доклады, сколько на дискуссию вокруг них. Считаю, что в нынешних условиях, когда на постсоветском научном пространстве сформировалась ужасная практика проведения дежурных так называемых «научных конференций» без обсуждений докладов участников, особенно пленарных докладов наиболее маститых ученых, нашей науке не хватает дискуссий, как воздуха. Даже при всех политико-идеологических ограничениях советского времени, нужно отдать должное, имела место практика проведения всесоюзных дискуссий. В современной России она в общем и целом пришла в упадок. Факты проведения всероссийских и международных дискуссий в России чрезвычайно редки [Российская история: теории изучения и методы преподавания; Местное управление в пореформенной России], хотя имеющиеся примеры и вызывают самое заинтересованное позитивное внимание мирового научного сообщества [Evtuhov; Lyubichankovskiy; Schattenberg; Weisensel]. Проект «Народ и власть» с самого начала своего существования понимал эту проблему, его мероприятия прохо-

дили в формате реального обсуждения, причем само это обсуждение представлено на страницах соответствующих сборников, то есть не осталось за кадром и стало доступным широкому читателю. Это одна из важнейших причин, по которой я могу рекомендовать сборник по итогам круглого стола на тему «Русское крестьянство и Первая мировая война» читателю. В нем есть полемика и живой профессиональный разговор. Уже поэтому его интересно читать.

Как известно, эффективная научная полемика возможна при трех необходимых условиях: во-первых, участники дискуссии должны быть специалистами в обсуждаемом вопросе; во-вторых, сами обсуждаемые вопросы должны быть предварительно хорошо продуманы и звучать конкретно; в-третьих, в ходе самого обсуждения нужно не давать участникам сильно отвлекаться на побочные сюжеты и уходить мыслью в сторону от заявленной проблематики. Выше уже показано, что первое условие было полностью выполнено. Важно отметить, что достаточно успешно были реализованы и два других фактора. Иными словами, для проведенного круглого стола характерно умелое модерирование. Судя по опубликованной стенограмме, основная заслуга здесь принадлежит координатору проекта С. Ю. Разину. Он заранее вынес на обсуждение три центральных комплексных вопроса, которые увязали между собой феномены крестьянства, Первой мировой войны и империи в контексте процессов столкновения традиции и модерна. Судя по опубликованным материалам, большинству коллег удалось удержаться в поставленных модератором границах, что позволило дискуссии остаться в своих целевых рамках и не превратиться в «разговор глухих», когда каждый говорит о своем.

Должен еще раз подчеркнуть, что вынесенные на обсуждение вопросы являются умело подобранными и принципиально важными для понимания исторической ситуации начала XX в. Необходимо их назвать:

– Как повлияло сознание русского крестьянства на ход и исход Первой мировой войны? Как повлияла Первая мировая война на сознание и судьбу крестьянства в России?

– Как в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России можно оценить политику царского режима, Временного правительства, основных политических партий и Советской власти в условиях Первой мировой войны? Насколько связаны с этой войной генезис и особенности политического режима в СССР?

– Была ли для русского крестьянства Первая мировая «отечественной» войной? Есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали Первую и Вторую мировые войны?

Это действительно интегральные вопросы, которые, по-видимому, просто нельзя решать поодиночке. Каждый ученый провел свое конкретно-историческое исследование в определенных им хронологических и территориальных рамках и каждый продолжает «заниматься своим». Это нормально. В отношении же обобщающих вопросов

каждый ученый в отдельности напоминает человека из известной притчи про слабовидящих людей, которые на ощупь описывали слона, и их ответ зависел от того, к какой части его тела они имели доступ. Естественно, что получались разные результаты. Проведенный круглый стол предложил исследователям оптику, позволяющую взглянуть на проблему целостно.

Вместе с тем, изучение материалов дискуссии натолкнуло на мысль о том, что организацию подобных круглых столов в будущем можно еще усовершенствовать за счет более дробного представления вопросов, выносимых на обсуждение. Так, например, имело бы смысл попросить всех участников определить свое понимание базовых для данной дискуссии терминов («традиция», «новация», может быть, даже «крестьянство» и т. д.), поскольку часть споров и несогласий явно была вызвана именно тем, что коллеги вкладывали в одни и те же слова разный смысл. И это стандартная для любого научного спора ситуация. Почему же не спровоцировать всех к определению своих подходов к понятийному аппарату в явном виде? Возможно, модераторам стоило бы выделить в отдельные кластеры и другие вопросы, связанные с необходимостью фиксации мнений исследователей по важнейшим аспектам темы. Это, с одной стороны, еще более повысило бы остроту дискуссии (за счет уменьшения возможности избегать спорных моментов), а с другой стороны, позволило бы более отчетливо увидеть те фактологические и источниковые белые пятна, которые нуждаются в первоочередном изучении в рамках решения поставленных задач. Все это в совокупности позволило бы еще более увеличить основу для сравнения позиций отдельных ученых и выработки консенсуса.

Необходимо отметить, что в триаде сюжетных линий «крестьянство», «Первая мировая война» и «империя», запланированных к первоначальному анализу организаторами круглого стола, наименее раскрытым осталось имперское измерение. Эту часть «домашнего задания» коллеги, видимо, поняли только как необходимость раскрыть взаимоотношения крестьян с государственными структурами Российской империи. Однако понятие «империя» давно уже приобрело статус методологического концепта, вокруг которого развивается несколько научных направлений [Krinko, Khlynina; Magsumov; Polyakova]. В России наиболее заметной является «новая история империи», выражающая свои идеи главным образом через журнал «Ab Imperio», на страницах которого многие ученые достаточно давно и плодотворно занимаются конкретно-историческим изучением имперского социума в соответствии со специально выработанной для этого методологией. Фактически ни один из участников не раскрыл такие базовые для «имперской» тематики аспекты, как местные крестьянские элиты и война; борьба традиции и модерна внутри крестьянского общества окраин, внутренней периферии и «ядра» империи; «инородческое» крестьянство и империя и др. Такая ситуация тоже является свое-

образным итогом состоявшегося обмена мнениями – в том смысле, что зафиксирован характерный для современной российской науки историографический срез, который позволяет отметить недостаточное взаимодействие «империологов» и «крестьяноведов» между собой. А ведь на стыке научных направлений, как правило, и рождается новое понимание. Будем считать, что в этом смысле прошедший круглый стол дал ясное задание представителям обоих научных направлений двигаться навстречу друг другу.

Анализ материалов различных круглых столов, прошедших не только в нашей стране, но и за ее рубежом, убедительно показывает, что даже при высочайшем уровне их участников далеко не всегда удается избежать выступлений, авторы которых ограничиваются высказыванием базовых тезисов своей позиции без развернутой аргументации или углубляются в иллюстративные примеры до такой степени, что «забывают» пояснить, в доказательство какой именно позиции они приводят тот или иной тезис. Единичные примеры таких выступлений можно найти и в материалах данного круглого стола. Однако для большинства участников было характерно рациональное соотношение тезисов и аргументов. Как это обычно происходит в любой настоящей дискуссии, всегда находятся те участники, которым удается удачно сформулировать принципиальные тезисы (в данном случае это ответы на вопросы модераторов), вокруг которых затем разворачивается остальной разговор. В этой ситуации такими концептуализаторами, как мне показалось, выступили сразу несколько участников. Так, П. П. Марченя выступил с идеей понимания крестьянского сознания начала XX в. как матричного для массового сознания, которое, в свою очередь, в революционную эпоху выступило в качестве основного критерия политической эффективности. Как мне кажется, эта идея не нашла своего реального развития в ходе самой дискуссии, но, без сомнения, является методологически важной новацией для изучения системных кризисов в принципе. А. В. Гордон выступил с глубокой идеей об объективном процессе раскрестьянивания крестьян, участвовавших в длительной войне, связанном с переформатированием крестьянского сознания в так называемое катастрофическое. Далее этот тезис применялся многими участниками дискуссии к материалам своих регионов (с разными результатами, касающимися и времени начала этого процесса, и его сути), а В. Г. Хорос показал, что зафиксированный А. В. Гордоном процесс по своей сути является частным случаем «социокультурного люмпенства», результата выпадения из существующей системы ценностей. Методологически этот подход дополняет точка зрения Н. В. Липатовой, которая с позиций исторической психологии оценила сознание тыловых солдат-крестьян как неопределенность (одно из самых разрушительно действующих на человека состояний) и надломленную крестьянскую идентичность, находящуюся в конфликте и с фронтовиками, и с теми крестьянами, которые остались «на земле».

Выглядит само собой разумеющимся, но от этого не теряет своей принципиальной значимости тезис А. В. Кострова о том, что происходившая в окопах болезненная мировоззренческая революция мужской части крестьянства и ее силовое включение в Универсум являлись процессами с серьезной региональной спецификой. Пожалуй, эта мысль, в сжатом виде высказанная А. В. Костровым, была в тех или иных выражениях подчеркнута большинством региональных участников дискуссии, каждым – на материале своего региона.

Т. А. Трошина в своем выступлении сумела ярко обозначить новый процесс в деревне эпохи 1914–1920 гг. – первоначальный резкий разрыв внутренних социальных контактов, которые связывали членов общины, с последующим восстановлением в зачатку еще более жесткой структуре. Хочу отметить, что в рамки этого вывода хорошо укладываются данные и о статусе солдаток, и об отношении к сверстникам и резервистам, предложенные в ходе круглого стола другими исследователями. Видимо, крайним выражением мнения об ускоренной архаизации крестьянского сознания в последний период Первой мировой войны стал тезис А. В. Михайлюка о том, что крестьянство в этот период до такой степени стремилось к локализму, слову любой власти выше местного уровня и натурализации хозяйства, что объективно было несовместимо с любой государственностью, а значит, с действиями и идеями всех сколько-нибудь значимых в тот момент времени политических сил; это предопределило ситуацию гражданской войны.

Д. И. Люкшин сделал парадоксальный, но вполне аргументированный вывод о том, что в рассматриваемую эпоху российская деревня продемонстрировала свою гибкость, а система «моральной экономики» – жизнеспособность, и только свержение самодержавия изменило эту ситуацию в сторону «черного передела». С противоположной и также вполне аргументированной точкой зрения выступил В. В. Кондрашин, причем в его ответе четче, чем у других, прозвучал сравнительный аспект проблематики (между ситуациями Первой и Второй мировых войн). Ученый считает, что плачевный для самодержавия итог его многолетних усилий по превращению русского крестьянина в опору режима, а сельского хозяйства – в надежный источник государственного развития контрастирует с успехом сталинского режима, сумевшего при всех негативных сторонах и издержках его аграрной политики достигнуть указанной цели. В содержательном плане эту точку зрения хорошо дополняет высказанный В. П. Николашиным тезис о том, что феномен преломления большевистской идеологии в сознании солдат-крестьян имел не только разрушительные, но и созидательные начала: они-то и позволили добиться прочного установления Советской власти на местах уже в 1920-е гг.

Содержание круглого стола, конечно же, не исчерпывается этими идеями. Материалы обсуждения содержат ряд весьма интересных выступлений, в которых на высокопрофессиональном уровне

и зачастую с неожиданной стороны раскрываются отдельные аспекты проблематики. Так, О. Г. Буховец в ходе дискуссии блистательно раскрыл вопрос о том, выдержало ли крестьянство эпохи Первой мировой войны «тест на патриотичность» или нет, связав свой ответ с архетипами крестьянского сознания. И. А. Анфертьев показал роль отсрочек от армии в развитии крестьянского хозяйства до войны и влияние сложившейся практики на развитие военных действий. Участниками были затронуты и проблема региональных отличий в мировосприятии и поведении крестьян России, и соотношение трендов эпохи Первой мировой войны с долгосрочными тенденциями развития отечественного социума, и смена ролевых функций и статуса разных групп крестьян (солдаток, отходников и т. д.). Эти примеры можно продолжать. Но и уже приведенных достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело со сборником, который содержит самую разнообразную, иногда даже неожиданную информацию по своей теме, которая будет полезна любому специалисту, интересующемуся вопросом. Хотелось бы поздравить организаторов и модераторов проведенного круглого стола с несомненным творческим успехом, а читателей – с появлением книги, в которой на современном профессиональном уровне разбираются важнейшие вопросы нашей истории.

Список литературы

Российская история: теории изучения и методы преподавания : материалы дискуссии / публ. С. С. Секиринского // Отечественная история. 2008. № 3. С. 165–182.

Русское крестьянство и Первая мировая война : международный круглый стол / публ. П. П. Марчени, С. Ю. Разина // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.

Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург ; Ижевск : Изд-во УрО РАН, 2010. 495 с.

Хорош В. Г. Понимание как основа историзма: о книге «Сталинизм и крестьянство» // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 135–153.

Evtuhov C. Kraevedenie Meets the Grand Narrative // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 877–887.

Krinko E. F., Khlynina T. P. Milestones of return of “forgotten war”: main trends and stages in the development of domestic historiography of the first world war // *Bylye Gody*. Vol. 33. Is. 3. P. 296–305.

Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After : Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 861–875.

Magsumov T. A. Main approaches to the study of historical and educational process // *Bylye Gody*. Vol. 34. Is. 4. P. 720–726.

Polyakova L. G. Black Sea Governorate during World War I : A Historiographical Survey // *Bylye Gody*. Vol. 36. Is. 2. P. 366–372.

Schattenberg S. Max Weber in the Provinces : Measuring Imperial Russia by Modern Standards // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 889–902.

Weisensel P. Mestnoe upravlenie v poreformennoi Rossii : Mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost' : Svodnye materialy zaachnoi diskussii // *Slavic Rev.* 2012. Vol. 71. № 1. P. 176–178.

References

- Evtuhov, C. (2012). Kraevedenie Meets the Grand Narrative. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 13 (4), pp. 877–887.
- Khoros, V. G. (2015). *Ponimanie kak osnova istorizma: o knige "Stalinizm i krest'yanstvo"* [Understanding as the Basis of Historicism: On the Book *Stalinism and Peasantry*]. In *Novyy istorichesky vestnik*, 1 (43), pp. 135–153.
- Krinko, E. F. & Khlynina, T. P. (2014). Milestones of return of "forgotten war": main trends and stages in the development of domestic historiography of the first world war. In *Bylye Gody*, Vol. 33 (3), pp. 296–305.
- Lyubichankovsky, S. (2012). Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 13 (4), pp. 861–875.
- Magsumov, T. A. (2014). Main approaches to the study of historical and educational process. In *Bylye Gody*, Vol. 34 (4), pp. 720–726.
- Marcheni, P. P. & Razina, S. Yu. (Publ.). (2014). *Mezhdunarodnyy kruglyy stol "Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voyna"* [An International Round Table "Russian Peasantry and World War I"]. In *Novyy istorichesky vestnik*, 2 (40), pp. 8–89.
- Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost'. Svodnye materialy zaochnoy diskussii* [Local Government in Post-Reform Russia: Mechanisms of Power and Their Effectiveness: Collected Materials of a Distance Discussion]. (2010). 495 p. Yekaterinburg, Izhevsk, Izd-vo UrO RAN.
- Polyakova, L. G. (2015). Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey. In *Bylye Gody*, Vol. 36 (2), pp. 366–372.
- Sekirinsky, S. S. (Publ.). (2008). *Rossiyskaya istoriya: teorii izucheniya i metody prepodavaniya : Materialy diskussii* [Discussion Materials "Russian History": Research Theories and Teaching Methods]. In *Otechestvennaya istoriya*, 3, pp. 165–182.
- Schattenberg, S. (2012). Max Weber in the Provinces : Measuring Imperial Russia by Modern Standards. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 13 (4), pp. 889–902.
- Weisensel, P. (2012). *Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii : Mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost' : Svodnye materialy zaochnoi diskussii* [Local Government in Post-Reform Russia: Mechanisms of Power and Their Effectiveness: Collected Materials of a Distance Discussion]. In *Slavic Review*, Vol. 71 (1), pp. 176–178.

The article was submitted on 27.03.2016